

НАРОДНЫЙ АРТИСТ
СССР
ЮРИЙ НИКУЛИН

Печатается
с продолжением

ЖИЗНЬ ПРИПЕВАЮЧИ

Как я и писал родителям, жизнью я был доволен. С мая я был на наблюдательном пункте нашей батареи на станции Оллило. Это недалеко от нынешней станции Репино.

Прекраснейшие места. Кругом зелень, тишина. Нам выделили двухэтажный дом. На его крыше мы устроили застекленную вышку, где находился наш наблюдательный пункт. От батареи до Сестрорецка было километров пятнадцать. Вся батарея была в Сестрорецке. На наблюдательном пункте мы жили вчетвером: Борисов, Гусев, Крапивин, Борунов и я. Нам на машине привозили продукты дней на десять. Жили мы припеваючи. Сами себя обслуживали, сами готовили.

Начальство от нас далеко, а потому жилось вольготнее и весело. Службу несли исправно, и всегда кто-нибудь дежурил на наблюдательном пункте.

Низ домика занимала семья полковника, помощника командира нашего полка. У него был сын — высокий, длинный парень в очках, студент первого курса. На каникулы он приехал в Ленинград к отцу в часть. Часто он приглашал меня в дом, и я с жадностью слушал пластинки с записями Шульженко, Утесова.

Мой приятель Борунов ухаживал за домработницей, которая жила при семье полковника. В этом же доме была еще одна домработница, тоже у полкового начальства, молоденькая девушка. И я про себя подумывал: «А не начать ли мне за ней ухаживать?»

Мне нравилась эта милая девушка, очень сообразительная, любознательная. Мы начали переглядываться с ней, улыбаться при встрече друг с другом. Она знала, как меня звать, а я нет.

В воскресенье у меня предполагалась увольнительная, и я хотел провести этот день с ней. Тем более что ее хозяева уезжали на весь день в Ленинград.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 22 ИЮНЯ

В ночь на 22 июня у нас на наблюдательном пункте вдруг нарушилась связь с дивизионным командным пунктом. По инструкции мы обязаны немедленно выходить на линию связи и искать место повреждения. Два человека тут же пошли к Белоострову и до двух ночи занимались проверкой. Они вернулись около пяти утра и сказали, что наша линия вся в порядке. Следовательно, авария случилась за рекой на другом участке.

Стояла ясная, безоблачная погода. Наступило сияющее, удивительно спокойное утро, сменяющее белую ночь.

Мы спокойно позавтракали. По случаю воскресенья разведчик Борунов и я взяли трехлитровый бидон и пошли на станцию покупать для всех пиво. Подходим к станции, и нас останавливает пожилой мужчина и спрашивает:

— Товарищи-военные, правду говорят, что война началась?

— От вас первого слышим, — спокойно отвечаем мы. — Никакой войны нет. Видите — за пивом идем, какая уж тут война, — сказали мы и улыбнулись.

Прошли еще немного. Нас снова остановили гражданские вопросом:

— Что, верно, война началась?

— Да откуда вы взяли? — мы уже сердились.

Что такое? Все говорят о войне, а мы спокойно идем за пивом. Только на станции мы увидели людей, стоявших небольшой группой и с растерянным видом слушающих громкоговоритель.

Как только до нас дошло, что действительно началась война, мы тут же бросились назад.

Любопытная подробность. Ночью связь была прервана. А когда она снова заработала, то шли обычные разговоры: «Ахтырка», «Ахтырка». Не видите ли вражеские самолеты? («Ахтырка» — это наши позывные). Так продолжалось почти три часа. Мы про себя подумали: «Неужели с утра в воскресный день началось очередное учение?». Нас без конца спрашивали: «Ахтырка!» Должите обстановку...»

Прибегаем совершенно мокрыми на наблюдательный пункт, видим сидящего на крыльце дома командира отделения сержанта Крапивина. Он спокойно курил и, заметив нас, тут же спросил:

— Ну, где пиво?

— Какое пиво?! Война началась! — ошарашили мы его.

— Как? — переспросил Крапивин. И мгновенно кинулся к телефону.

Да, в нашем доме никто о войне ничего не знал: ни военные, ни гражданские. Эту весть принесли мы.

По телефону нам приказали: «Ахтырка!» Усилить наблюдение! Этого могли и не говорить. Мы и так все сидели с биноклями на крыше и вели наблюдение. Все были в ожидании событий. Именно в эту ночь — с 22 на 23 июня 1941 года немцы с самолетов минировали Финский залив. На рассвете мы увидели первую группу «Юнкерсов-88», идущих на бреющем полете со стороны Финляндии.

Так для меня началась война.

Как и многие, защищая Родину, я прошел суровую и удивительную жизненную школу, во время которой я закалился духовно и даже физически. Узнал немало людей различных характеров, научился сходить с ними, что впоследствии мне помогло в работе и в жизни.

За эти годы я сделал и военную карьеру. Начав армейскую жизнь простым солдатом, я через шесть с половиной лет дослужился до старшего сержанта.

ДЛЯ КИНО ВЫ НЕ ГОДИТЕСЬ

Демобилизовавшись из армии в 1946 году, я был уверен, что для меня открыты двери всех театральных институтов и студий.

Я же прошел войну!

Я же имел успех в самостоятельности!!!

Я же просто ошастливлю всех своим поступлением!!!

Для начала решил попробовать поступить на актерский факультет во Всесоюзный государственный институт кинематографии. Снявшись в трех эффектных позах, я эти фотографии вместе с документами отнес в приемную комиссию ВГИКа и начал тщательно готовиться к экзаменам. Выбрал басню «Кот и повар» Крылова. А из стихов отец посоветовал мне взять «Гусара» Пушкина.

Из прозы — выучил отрывок из «Дворянского гнезда».

Во ВГИКе на актерский факультет образовался огромный конкурс. Половина поступающих, как и я, ходили в гимнастерках. Среди них мне несколько человек запомнилось. Врезался в память голубоглазый моряк Тимченко. На экзамены он принес большие глянецовые фотографии. На одной он снялся с гранатой в руке, на другой — с винтовкой, на третьей — в тельняшке. В жизни он выглядел каким-то плакатным: открытый, крепко сбитый белозубый блондин. Я не сомневался, что Тимченко примут. На мой взгляд, он просто просился на экран.

(Начало см. в №№ 224, 225, 226, 227).